

БОЖІА ТРИЦА

СЕ ІЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВОСПИТАНІЕ НА ЗАРѢ ХРИСТИАНСТВА.

(Продолженіе) ¹⁾.

III.

Задачи воспитанія по ученію свв. Отцевъ.—Образецъ древне-христіанскаго воспитателя.—
Завѣтъ св. Златоуста.

Рисуя личность учителя какъ образецъ высокой нравственности, просвѣщенные мужи глубокой христіанской древности опредѣляли тѣмъ самымъ и задачу воспитанія дѣтей. „Какоевъ учитель, таковы и ученики“—

вотъ святоотеческая мысль, лежащая въ основѣ ихъ взглядовъ на обученіе молодого поколѣнія. И это вполне понятно: религіозно настроенный наставникъ, конечно, первѣ всего обратитъ вниманіе на воспитаніе въ малюткѣ воли и сердца, на развитіе въ немъ

¹⁾ См. № 6.

добрыхъ навыковъ и религіознаго чувства. А такой именно характеръ и должно носить воспитаніе дѣтей.— „Не языкъ изощрай, наставляеть св. Іоаннъ Златоустъ родителей и воспитателей, но очищай душу дѣтей“. „Говорю это не съ тѣмъ, продолжаеть онъ далѣе, чтобы запретить свѣтское образованіе, но чтобы не привязывались къ нему исключительно“. 1) Подобнымъ-же образомъ и св. Василій Великій разсуждаетъ объ образованіи главнымъ образомъ съ точки зрѣнія нравственной пользы. „Пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся, говоритъ онъ, и съ тѣхъ, на какіе попадутъ не все стараются унести, но взявъ, что пригодно на ихъ дѣло, прочее оставляютъ нетронутымъ... И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаемъ шиповъ, такъ... въ самомъ началѣ нужно разсмотрѣть каждую изъ наукъ и приспособить ее къ цѣли. И поелику до нашей жизни надобно достигать съ помощью добродѣтели, а въ похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками, и гораздо болѣе мужами любомудрія: то на такія особенно сочиненія и должно обращать вниманіе. Ибо не мало пользы, если души юношей освоюются и свыкаются съ добродѣтелью... И кто любомудріе, заключающееся у другихъ въ словахъ, оправдываетъ дѣломъ, тотъ *одинъ живъ, прочіе-же только движущіяся тѣни*“. 2) Этотъ-же взглядъ на задачу воспитанія дѣтей развиваютъ и другіе отцы и учителя Церкви, разнообразясь между собою только въ формѣ выраженія его. Все они согласно утверждаютъ, что истиннымъ другомъ дѣтей можетъ быть только тотъ наставникъ, который

отыщеть имъ и заставить полюбить *новаго друга — христіанскую добродѣтель*. 1) И только, замѣчаетъ св. Исидоръ Пелусіотъ—ученикъ св. Златоуста, „посѣвующіе въ своихъ дѣтяхъ, еще въ младенчествѣ, справедливое понятіе о Божіемъ величїи и Промыслѣ, а потомъ и о добродѣтели, не только какъ родители, но и какъ превосходные наставники, сподобятся отъ Бога награды“ 2) и будутъ, слѣдовательно, имѣть полное нравственное удовлетвореніе, какъ ревностные исполнители ихъ обязанностей въ отношенїи къ воспитываемымъ ими дѣтямъ. *Все данныя святоотеческой литературы по вопросу о цѣли обученія дѣтей сводятся, такимъ образомъ, какъ видно, не къ осужденію образованія вообще, а лишь только къ благоразумной перестановкѣ центра тяжести, „изъ круга искусствъ и свѣтскихъ наукъ въ сферу религіозно-нравственнаго воспитанія“*, 3) какъ наиболѣе пригоднаго для образованія истиннаго гражданина и добраго сочлена христіанскаго государства. Св. Іоаннъ Златоустъ, для очевиднаго и нагляднаго, такъ сказать, оправданія необходимости именно религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, приводитъ, между прочимъ, поучительную исторію воспитанія одного юноши, гдѣ онъ показываетъ, какого совершенства можетъ достигнуть ребенокъ, ввѣренный благочестивымъ воспитателямъ, понимающимъ по христіански свои обязанности“. 4) „Одинъ

1) Ср. Твор. Климента Александрійскаго, Педагогъ, кн. 1-я, гл. 5-я, стр. 14.

2) Письма Исидора Пелусіота, ср. Вѣра и разумъ, 1899 г. кн. № 17, стр. 326—327.

3) См. у арх. Вориса, Правосл. Соб. 1896 г. ч. 2-я, стр. 396.

4) Твор. св. Іоанна Златоуста, т. 1-й, кн. 1-я, Петербургъ. 1898 г. Слово третіе. „Къ враждующимъ противъ монашеской жизни“.

1) Бес. на посл. къ Ефесянамъ.

2) Твор. св. Вас. Великаго, ч. 4-я, стр. 348—353.

юноша, рассказываетъ св. Іоаннъ Златоустъ, очень богатый, поселился нѣкогда въ нашемъ городѣ для изученія латинской и греческой словесности. Этотъ юноша имѣлъ при себѣ воспитателя, у котораго было одно только дѣло — образовать его душу. Пришедши къ этому воспитателю (онъ былъ изъ числа живущихъ въ горахъ), я попытался узнать, по какому поводу онъ, посвятившій себя этой мудрости, вступилъ въ жизнь воспитателя. Онъ сказалъ, что ему остается немного времени (провести) въ этомъ занятіи, и рассказалъ намъ все предшествовавшее. „У этого юноши, говорилъ онъ, отецъ суровъ и жестокъ и преданъ житейскимъ дѣламъ; а мать — благонравная, разсудительная, строгая и стремящаяся только къ небу. Отецъ, какъ оказавшій много заслугъ на войнахъ, хочетъ устроить сына въ своемъ званіи, а мать не хочетъ этого и не соглашается и даже сильно противится... Посему она придумываетъ такое средство: призвавъ меня къ себѣ въ домъ и сообщивъ все это, она, взявъ правую руку отрока, влагаетъ ее въ мои руки. Когда же я спросилъ, для чего дѣлаетъ это? она сказала, что намъ остается одно средство къ спасенію сына, если я пожелаю и соглашусь въ качествѣ воспитателя взять отрока.... Если я, говорила она, успѣю въ этомъ, ты, живя съ нимъ однимъ на чужбинѣ и не встрѣчая противодѣйствія ни отъ отца, ни отъ кого либо изъ родныхъ, будешь имѣть возможность образовать его съ полною свободою, и настроить его жить такъ, какъ бы въ монастырѣ; согласишься же и общай содѣйствовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Забота у меня не о маловажномъ, я безпокоюсь и опасуюсь за душу моего отрока. Не пренебреги же опаснымъ положеніемъ того, кто для

меня любезнѣе всего, но исхитъ его изъ сѣтей, бури и волненія, которыя уже со всѣхъ сторонъ окружаютъ его. Если же ты не хочешь оказать эту милость, то призываю Бога въ посредники между нами, и свидѣтельствую, что я не опустила ничего надлежащаго для спасенія души его, и чиста отъ крови этого отрока; и если случится ему потерпѣть что-либо, собственное челоуѣку молодому, живущему въ роскоши и разсѣянности, то отъ тебя и твоихъ рукъ взыщетъ Богъ въ тотъ день душу этого отрока. Сказавъ это и еще многое другое, и заплакавъ сильно и горько, она убѣдила меня принять на себя этотъ трудъ, и съ такими внушеніями отпустила“. И не тщетно было придуманое ею средство: благородный воспитатель въ короткое время такъ настроилъ отрока, и такой возбудилъ въ немъ огонь ревности (къ подвигамъ), что онъ вдругъ бросилъ все и убѣжалъ въ пустыню... Встрѣтивъ такого сына, я постарался сохранить въ немъ и даже еще болѣе усилилъ расположеніе къ любомудрію, но предложилъ ему жить въ городѣ и заниматься науками, чтобы такимъ образомъ принести величайшую пользу сверстникамъ... И многіе изъ товарищей его получили столько пользы отъ общенія съ нимъ, что сдѣлались его сореазнователями. Между тѣмъ онъ, имѣя постоянно при себѣ руководителя, подобно статуѣ тщательно обдѣлываемой рукою художника, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усовершеншалъ свою душевную красоту. И вотъ что удивительно: являясь внѣ дома, онъ, повидимому, ничѣмъ не отличался отъ другихъ, потому что и въ обращеніи не былъ грубъ и суровъ, и одежды необычной не носилъ, но и по виду, и по взгляду, и по голосу, и по всему прочему былъ

таковъ же, какъ и всѣ. Поэтому и могъ онъ многихъ изъ своихъ собесѣдниковъ уловлять въ свои сѣти, скрывая внутри себя великое любомудріе. А еслибы кто увидѣлъ его дома, то подумалъ бы, что это—одинъ изъ живущихъ на горахъ (отшельниковъ), потому что и домъ у него устроенъ былъ точно какъ монастырь, не заключающій въ себѣ ничего, кромѣ необходимаго. Время у него все употреблялось на чтеніе священныхъ книгъ; быстро усвая науки, онъ внѣшнему ученію удѣлялъ малую часть дня, а все остальное время занимался непрестанными молитвами и божественными книгами, и по цѣлому дню оставался безъ пищи и даже не по одному и не по два только, но и больше. И ночи были у него свидѣтелями тѣхъ же слезъ и молитвъ и того же чтенія. Все это пересказалъ намъ воспитатель тайно, потому что отрокъ былъ недоволенъ, если узнавалъ, что какой-нибудь изъ подвиговъ его обнаруженъ, притомъ онъ говорилъ, что отрокъ и одежду сдѣлалъ себѣ изъ волосъ, и въ ней спалъ по ночамъ, нашедши въ ней мудрое средство къ тому, чтобы скорѣе вставать отъ сна. Итакъ, если бы и теперь кто показалъ мнѣ такую душу и представилъ такого воспитателя и обо всемъ прочемъ обѣщалъ столько же позаботиться, я въ тысячу разъ больше самихъ родителей пожелалъ бы, чтобы дѣло слагалось такъ. Уловъ былъ бы у насъ обильнѣе, когда бы подобные люди, и своею жизнію, и возрастомъ, и постояннымъ обращеніемъ уловляли своихъ сверстниковъ“.

Вотъ результатъ истинно-христіанскаго воспитанія! Наряду съ этимъ утѣшительнымъ примѣромъ добраго вліянія на дѣтей ихъ религиозно-на-

строенныхъ воспитателей святой Златоустъ съ душевнымъ прискорбіемъ отмѣчаетъ и обратныя явленія, когда родители и воспитатели, безумно привязанные къ житейскимъ выгодамъ, „нерадятъ о дѣтяхъ съ ихъ душею“. ¹⁾ Таковыхъ руководителей онъ считаетъ хуже дѣтоубійць, потому что эти только отдѣляютъ тѣло отъ души, а тѣ „то и другое вмѣстѣ ввергаютъ въ огонь геенскій“, чего многіе могли-бы избѣжать, еслибы ихъ не доводила до этого безпечность отцовъ и воспитателей. ²⁾ Вотъ кто является извратителемъ общественной жизни и губителемъ общаго блага! Вотъ гдѣ главный источникъ общественныхъ „страховъ и опасностей, вражды и козней, злословія и ненависти!“ ³⁾ И еслибы современные руководители просвѣщенія болѣе и болѣе усвоивали себѣ образъ мыслей отцовъ и учителей Церкви, еслибы они прежде всего вели дѣтей къ добродѣтели, то, выражаясь словами св. Златоуста, „отсюда произошло-бы столько благъ, что, перечисляя ихъ теперь, я показался-бы преувеличивающимъ дѣло“. ⁴⁾

„Итакъ, разсудивъ о всемъ этомъ, и оставивъ всякія отговорки, стараемся быть отцами и воспитателями доблестныхъ дѣтей, строителями Христіанскихъ храмовъ“, ⁵⁾ „будемъ дѣлать все, чтобы оставить дѣтямъ богатство благочестія, которое пребываетъ постоянно“, такъ какъ это лучшее средство для подготовленія „доблестныхъ служителей Богу и родинѣ!“ ⁶⁾ Это завѣтъ св. Златоуста.

¹⁾ Ibid. стр. 87—88.

²⁾ Ibid. стр. 96.

³⁾ Ibid. стр. 99.

⁴⁾ Ibid. стр. 118.

⁵⁾ Ibid. стр. 124.

⁶⁾ Ibid.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Димитрій Введенскій.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЬ ІВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹⁾).

VI.

Но видно для всякаго добродѣланія необходимо испытаніе посредствомъ скорбей: безъ этого никакое наше внѣшнее дѣланіе не будетъ имѣть цѣны въ очахъ „Того, Кто одинъ даетъ цѣну всей нашей дѣятельности“. Скоро настало время скорбей для о. Михаила. „Хочешь вѣрѣ, хочешь нѣтъ, писалъ онъ мнѣ однажды: я человекъ безъ всякой политики, врагъ ея непримиримый, терпѣть ее не могу“. И вотъ, можетъ быть, недостатокъ этой-то „политики“, этой мудрости змѣиной, и далъ поводъ тѣмъ, которые не могутъ цѣнить и понимать даже беззавѣтной пастырской ревности, къ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя возникли между о. Михаиломъ и тогдашнимъ начальствомъ Института. Началось съ мелочей: о. Михаилъ, напримѣръ, замѣтилъ воспитанницамъ, что преклонять колѣна во время чтенія Евангелія не слѣдуетъ; оказалось, что имъ такъ было приказано тогдашней начальницей Института (чего онъ не зналъ); замѣчаніе о. Михаила не понравилось начальницѣ, теперь уже почившей... Не были воспитанницы у всенощной подь 8 сентября, о. Михаилъ спросилъ одну изъ надзирательницъ—почему не были—и новое неудовольствіе начальницы на о. Михаила: „не ваше дѣло“... И такихъ мелочей было не мало. Особенно тяжело было вынести доброму о. Михаилу слишкомъ строгое незаконное отношеніе къ воспитанницамъ на экзаменахъ и онъ протестовалъ, и слѣдствіемъ его протеста было снисхо-

жденіе къ воспитанницамъ и... неблаговоленіе къ законоучителю, который осмѣлился возвысить за нихъ голосъ... Съ болью душевной рассказывалъ мнѣ покойный, какъ хотѣли строго наказать одну малютку ученицу его за то, что она, читая молитву Господню, опустила прошеніе: *и остави намъ долги наша...* и, какъ потомъ оказалось, сдѣлала это потому, что не успѣла помириться съ подругой, которая ее оскорбила. Горой сталъ за бѣдняжку о. Михаилъ и настоялъ на своемъ: дѣвочка была освобождена отъ наказанія.

Положеніе о. Михаила становилось съ каждымъ днемъ все труднѣе; начальство Института уже жаловалось на него Митрополиту, который видѣлъ его невинность, высоко цѣнилъ его пастырскую ревность, защищалъ его властно, но хорошо понималъ и то, какъ ему тяжело жить въ такихъ условіяхъ. Разъ онъ призываетъ его къ себѣ и говоритъ: „всю ночь я думалъ о васъ, о. Михаилъ: какъ васъ устроить, и вотъ что придумалъ: хотите въ Филаретовское училище въ инспектора?“

— „Владыко святыи, отвѣчалъ о. Михаилъ: вы знаете, что я не по земнымъ побужденіямъ принялъ санъ священныи; если бы даже вы послали въ село—съ радостью пошелъ бы“.

Святитель ласково улыбнулся тоу свѣтлоу, согрѣвающей улыбкою, какою только онъ умѣлъ улыбаться, и сказалъ: „вы мнѣ здѣсь нужны; очень радъ что вы согласны на мое предложеніе; такъ и устроимъ“.

Такъ и устроилъ владыка. О. Ми-

¹⁾ См. № 6.

хаиль былъ переведенъ въ Филаретовское.

Разставаясь съ Николаевскимъ институтомъ, о. Михаилъ долженъ былъ также разстаться и съ паствою Воспитательнаго дома, къ которой онъ уже привыкъ, которую успѣлъ полюбить. Не легко было ему сдѣлать это, и лучшимъ свидѣтельствомъ того настроенія, которое онъ испытывалъ въ то время, служить его прощальное слово, произнесенное имъ за послѣднюю литургію, отслуженною имъ въ церкви Воспитательнаго дома.

Позволимъ себѣ привести нѣкоторыя выдержки изъ этого слова, чтобы охарактеризовать отношенія, завязавшіяся между о. Михаиломъ и его паствою. „Простите“, говорилъ между прочимъ о. Михаилъ, „но сердце проситъ раскрыться съ неудержимой силой... Незабвенны впечатлѣнія золотого дѣтства! Но здѣсь я пережилъ впечатлѣнія, которыя заслонили все прежнее... и я до гроба не забуду ихъ, я понесу ихъ въ вѣчность.

„Здѣсь въ этомъ чудномъ храмѣ я вкусилъ первыя небесныя впечатлѣнія священства, служенія божественной литургіи, впечатлѣнія, которыхъ не промѣняешь на сокровища всего міра. Здѣсь въ святомъ алтарѣ меня впервые потрясали чувства ужаса за свое недостойнство и чувства невыразимой на языкъ человѣческомъ радости соединенія съ Господомъ, и я всей душой полюбилъ вашъ храмъ, полюбилъ, какъ не любилъ и родной матери, и никогда не забуду его, не забуду этого небеснаго образа Христа, Который точно изъ таинственно-божественнаго міра вновь является на землѣ для благословеній, не забуду этого полного безконечной любви Лица, этихъ благословляющихъ преци-

стныхъ рукъ¹⁾. Здѣсь же въ этомъ храмѣ впервые раскрывалась передо мною душа хрістіанская въ великіе дни говѣнія, здѣсь со слезами на глазахъ, полный трепета, я раздавалъ нетлѣнные дары, залогъ вѣчной жизни: я былъ невыразимо счастливъ въ эти минуты. Наконецъ здѣсь дѣлился я съ вами задушевными бесѣдами о Богѣ, о вѣчной жизни, о небесныхъ утѣшеніяхъ... Забуду ли все это? Еще разъ простите,—сердцу не прикажешь молчать! Признаюсь вамъ, я любилъ служить у васъ молебны, я радовался, какъ дитя, когда меня приглашали служить ихъ, и я имѣлъ утѣшеніе видѣть слезы на многихъ глазахъ, эти слезы, которыя, какъ евангельскія жемчужины, возносились ангелами Божиими къ престолу Всевышняго. И все это я приписываю духу искренняго хрістіанскаго благочестія, разлитому въ этомъ дорогомъ для меня домѣ. Да, не смущаясь, скажу: все это вѣдь было на моихъ глазахъ, на моихъ глазахъ жила здѣсь дорогая хрістіанская община,—какъ же забыть мнѣ все это?

„Скажите мнѣ, чѣмъ я могъ бы отблагодарить за все это всѣхъ васъ?

„О, если бы я располагалъ благами міра! Но къ счастью есть на землѣ еще нѣчто высшее, это—любовь! Да, я полюбилъ васъ всею душою, съ самыхъ первыхъ и до самыхъ послѣднихъ.

„Не пеняйте ради Бога, что я продолжаю говорить,—мнѣ хочется сказать все, что у меня на душѣ... Все пройдетъ, исчезнетъ земля, сокрушатся небеса, даже вѣра въ будущемъ вѣкѣ прекратится, даже надежда: лю-

1) О. Михаилъ имѣлъ здѣсь въ виду образъ Спасителя на алтарной стѣнѣ храма въ Воспитательномъ домѣ.

бовъ одна не умираетъ! Пронесутся годы, и другія поколѣнія, другіе люди смѣнятъ насъ на землѣ; но если кто-нибудь полюбилъ на землѣ, если хотя малая искра любви согрѣла чье-либо сердце, тѣ люди связаны уже на вѣки, на безконечную вѣчность, они уже свои навсегда. Самая смерть не разлучитъ ихъ: любовь сильнѣе смерти! О, я съ радостію встрѣчу всѣхъ васъ всегда, вездѣ, но если здѣсь въ эти немногіе мѣсяцы въ чьемъ-либо сердцѣ заронилась искра расположения ко мнѣ, мы не разлучимся никогда, мы встрѣтимся въ обителяхъ Отца Небеснаго. А здѣсь на землѣ я буду молиться за всѣхъ: искренняя молитва имѣетъ страшную силу. Я буду поминать всѣхъ васъ за каждой литургіей, какъ всегда поминалъ здѣсь, буду молиться, чтобы Господь ниспослалъ вамъ всякое благо, улучшилъ благосостояніе, чтобы Матерь Божія осѣняла всѣхъ васъ Своимъ покровомъ, ширшимъ облака, и отвращала всякую бѣду... О, если бы и вы не забыли въ вашихъ молитвахъ раба Божія Михаила, который пришелъ къ вамъ съ однимъ только чистымъ желаніемъ служить вашему спасенію!

„Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, благодарю за все доброе, мною испытанное здѣсь, за ваше вниманіе къ моему слабому слову, за вашу ревность къ Божіей службѣ. А меня простите ради Бога, отъ чистаго сердца, если кого-нибудь ненамѣренно обидѣлъ,—намѣренно никого не желалъ обидѣть,—если соблазнилъ кого словомъ или поступкомъ, если подалъ поводъ къ чему-нибудь нехорошему, и еще разъ, какъ великой милости, прошу вашихъ теплыхъ молитвъ за меня“.

Паства не замедлила откликнуться своимъ чуткимъ сердцемъ на теплыя прощальныя слова своего пастыря.

Вотъ какимъ привѣтствіемъ отъ нея порадованъ былъ о. Михаилъ уже на новомъ мѣстѣ своего служенія, въ Филаретовскомъ училищѣ, по случаю наступившаго вскорѣ послѣ выхода его изъ Воспитательнаго дома праздника Рождества Хридова.

„Многоуважаемый, дорогой нашъ Батюшка!

„Поздравляемъ васъ съ праздникомъ Рождества Хридова и призываемъ милость и всѣ благословенія Божіи на васъ, дорогой нашъ батюшка, и на ваше семейство.

„Благодаримъ васъ, что вы въ такое короткое время узнали и полюбили насъ. А мы такъ полюбили васъ, какъ самаго родного, близкаго сердцу человека.

„Вы появились среди насъ, какъ добрый ангелъ со своимъ могучимъ, дышащимъ любовію словомъ и.. скрылись!.. Не видя васъ въ нашемъ храмѣ, мы точно осиротѣли. Сердце сжимается при мысли, что не услышимъ больше вашего драгоценнаго слова, которое мы такъ любили слушать въ нашемъ храмѣ.

„Ваши привѣтствія, ваши слова, передаются изъ устъ въ уста, всѣ только и говорятъ, что посѣтилъ Господь насъ горемъ, нѣтъ съ нами нашего любящаго, дорогого батюшки...“

„А эту прощальную обѣдню можемъ ли когда забыть!.. Видя, какъ вы страдали душой, сердца наши на части разрывались, мы готовы были всѣмъ пожертвовать, чтобы только удержать васъ.“

„Простите, многоуважаемый батюшка, за излитія передъ вами наши общія чувства: мы всѣ такъ единодушно къ вамъ расположены. Остаемся съ сердечными пожеланіями вамъ отъ Бога всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ!“

Такъ съ глубокой скорбью проводили его изъ Воспитательнаго Дома. Съ радостью встрѣтили въ Филаретовскомъ. Онъ здѣсь нашелъ ту духовную атмосферу, въ которой отдохнулъ послѣ холодной атмосферы института. Приведемъ здѣсь его вступительное слово, обращенное въ храмъ къ воспитанницамъ при первомъ его служеніи въ Филаретовскомъ училищѣ.

„Божіе благословеніе и сердечный привѣтъ вамъ, дѣти!“ Такъ началъ онъ свою рѣчь.—„Не по своей волѣ, но распоряженіе высшаго начальства указало мнѣ новое служеніе на вашу духовную пользу. Однако во всемъ, что совершается въ мірѣ, въ маломъ и въ великомъ, царитъ воля Божія, безъ которой даже волосъ съ головы не упадетъ. И если вы съ теплой, искренней вѣрой, такъ идущей къ вашему возрасту, произносите слова святой молитвы: „да будетъ воля Твоя!“—то вы съ полнымъ довѣріемъ посмотрите на совершившуюся въ нашемъ училищѣ перемѣну.

„У насъ будетъ еще время поближе познакомиться. Теперь же я могу говорить лишь о сердечныхъ желаніяхъ, о моихъ завѣтныхъ думахъ, съ какими я каждый разъ буду переступать порогъ училища.

„Прежде всего я отъ всей души желалъ бы, чтобы вы съ сердечною любовію учились здѣсь узнавать святую волю Божію въ Его законѣ. Нѣтъ истины выше и прекраснѣе, какъ истины вѣры, и нѣтъ ничего дороже ихъ для души нашей. Всѣ другія познанія только для настоящей земной жизни. Святыя истины вѣры мы перенесемъ черезъ порогъ смерти во врата вѣчности... Если бы, оканчивая курсъ ученія, каждая изъ васъ могла сказать въ душѣ своей: „Законъ устъ

Твоихъ для меня лучше тысячъ золота и серебра!“ (Пс. 118, 72).

„Любовь къ Закону Божію проявляется въ жизни. Весь смыслъ нашей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить побожьи, творить не свою, часто своеправную, капризную и злую волю, но святую волю Божію. Слѣпой не пойметъ когда ему будутъ говорить о цвѣтахъ, глухой не пойметъ, сколько бы мы ни говорили ему о музыкѣ и пѣніи. Только тотъ пойметъ и вкуситъ всю сладость и всю красоту святыхъ истинъ вѣры, кто, съ Божіей помощью, положить въ сердцѣ своемъ жить по Закону Божію. Тогда только въ сердцѣ загорится искра свѣта Божія, которая потомъ озаритъ неизреченнымъ счастіемъ всю душу и осчастливитъ всю нашу жизнь, несмотря на всѣ временныя неудачи. Тогда вы скажете: „Какъ я люблю Законъ Твой! Весь день размышляю о немъ!“ (Пс. 118, 97).

„Всей душой желалъ бы я, чтобы вы любили храмъ Божій, любили посѣщать его и съ теплотой сердечной молиться въ немъ. Какъ не любить дома родительскаго! Но домъ Божій—домъ нашего небеснаго Отца. Здѣсь очи Его, свѣтлѣйшія солнца, взираютъ на васъ съ безконечною любовію. Здѣсь питается и освѣжается наша душа. Какъ счастливъ былъ бы каждый изъ насъ, если бы могъ сказать о себѣ: „Господи! возлюбилъ я обитель дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоей. Того только ищущу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать святой храмъ Его!“ (Пс. 26, 8. 27).

„Если полюбите храмъ Божій всѣмъ сердцемъ, вы не побоитесь несчастій и золь житейскихъ. Вы понесете сюда радость и горе: радость здѣсь озарится высшимъ свѣтомъ, горе выпла-

чется предъ очами Отца Небеснаго, и намъ непонятными, Ему лишь Одному вѣдомыми путями Онъ всегда пошлетъ вамъ утѣшеніе и помощь. Если вы настроитесь такимъ образомъ, то вы и ко всякому полезному ученію будете внимательны. Намъ знанія необходимы, чтобы приносить пользу не только себѣ, но и дорогимъ намъ людямъ и всему обществу. Большинство изъ васъ—народъ небогатый. Но не стыдитесь этого, не печальтесь объ этомъ. Не бѣденъ тотъ, кто любить Бога, кто старается жить по волѣ Божіей, кому Богъ помогаетъ въ его трудахъ. Напротивъ, онъ богаче многихъ богатыхъ людей... Трудитесь усердно: приобрѣтая знанія, вы получите возможность отирать слезы бѣдныхъ и несчастныхъ и быть полезными своимъ близкимъ.

„Паче же всего — возлюбите всею свѣжестію юной души, всею силою и крѣпостію Того, Кто возлюбилъ насъ пламенною любовію еще прежде сложенія міра, Кто ради нашего блаженства, скрывъ безконечное величіе Божества, явился на землю смиреннымъ человѣкомъ, подъявшимъ наши бо-

лѣзни и труды, Кто душу Свою положилъ за насъ,—нашего Бога Спасителя! Отецъ и мать могутъ оставить и забыть дитя свое,—Богъ никогда не оставляетъ любящихъ Его! Пусть съ юныхъ лѣтъ разгорается въ душахъ вашихъ чистый пламень любви къ Богу,—подобно тому, кто говорилъ о себѣ: „Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому“ (Пс. 41, 2—3).

„Вотъ чего желалъ я вамъ прежде всего,—да поможетъ Всевышній моими трудами среди васъ показать вамъ, какъ искренни эти желанія!“

Какъ видно изъ приведенной рѣчи-программы, о. Михаилъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія остался вѣренъ своимъ основнымъ взглядамъ на законоучительство, и къ чести Филаретовскаго училища слѣдуетъ сказать, что оно въ лицѣ своихъ представителей и учащихся съ самаго же начала поняло, какъ слѣдуетъ, стремленія о. Михаила и охотно пошло на встрѣчу имъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

Весною 1888 года я окончилъ курсъ земской сельской школы и, какъ всякій крестьянскій мальчикъ, прямо отъ учебныхъ книгъ подошелъ къ сохѣ и началъ бороздить кормилу землю вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, обливая ее обильнымъ потомъ въ знойные дни жаркаго лѣта. Три года я упражнялся во всѣхъ крестьянскихъ

работахъ, начиная отъ сохи и кончая плетеніемъ лаптей. Будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ, состоящимъ изъ малолѣтнихъ и еще не способныхъ къ работѣ дѣтей, отецъ мой выбивался изъ силъ, трудясь и на полѣ и дома цѣлое лѣто изо дня въ день, но хозяйство наше по прежнему не прибавлялось нисколько.

ко, во всемъ была недостача и признаки вопіющей бѣдности: даже хлѣба своего на годъ не хватало, а приходилось или прикупать или занимать у сосѣдей.

Наступившіе же съ 1890 года урожаи окончательно разрушили наше и безъ того убогое хозяйство: для покупки хлѣба приходилось продавать даже самую необходимую скотину, такъ что къ веснѣ 1892 года у насъ на дворѣ кромѣ тощей клячки не оставалось ничего.

Весною этого года я нанялся къ мѣстной землевладѣлицѣ пасти стадо, и пасъ всю весну, получая 10 к. въ день на своемъ хлѣбѣ.

Отецъ видитъ, что я мучаюсь почти по-пусту и говоритъ мнѣ однажды: „а что, парень, дѣло наше—дрянь: какъ мы съ тобою ни старайся, какъ ни лѣзь изъ шкуры, а толку нѣтъ: на хлѣбъ себѣ не заработываемъ. Стало быть нечего обоимъ мучиться, буду ужь я одинъ, а тебя, какъ только придетъ осень, я отвезу въ „городскую училищу“, учиться. Хочешь себѣ добра—учись, а залѣнишься—на себя пеняй: тогда опять кнутъ на плечо, да къ стаду.“

Я обрадовался такому рѣшенію и сталъ подумывать о томъ, какъ-бы повторить пройденный мною, но почти уже позабытый курсъ сельской школы. Учебники мнѣ удалось достать всѣ, и я сталъ брать ихъ съ собою въ поле. Сидишь, бывало, гдѣ нибудь подъ кустикомъ, да почитываешь священную исторію, либо Евангеліе, а не то такъ рѣшаешь карандашомъ на клочкѣ бумаги какую нибудь задачу изъ Евтушевекаго.

Настала осень 1892 года и отецъ мой, въ одинъ прекрасный день, запрягъ свою клячку, и мы потащились въ городъ съ изготовленнымъ

дома прошеніемъ о допущеніи меня къ испытанію на поступленіе въ 1-й классъ уѣзднаго училища. Испытаніе я выдержалъ и былъ зачисленъ въ число учениковъ этого училища.

На первыхъ порахъ отецъ нашель мнѣ квартирку съ платою по 70 к. въ мѣсяць ея хозяйевамъ, а пищу мнѣ отецъ обѣщался привозить изъ двора, отстоящаго отъ города на 16 верстѣ.

Мѣсяца два я проучился благополучно, книги мнѣ дали казенныя, но въ началѣ третьяго мѣсяца пріѣзжаетъ отецъ и говоритъ, что болѣе за квартиру платить онъ не въ состояніи, да и пищу доставлять мнѣ тоже, говорить, невозможно, ибо лошадь ходитъ совершенно отказывается, а хорошенько кормить ее нечѣмъ, у самого теплой одеженки тоже нѣтъ, а наступили холода. Услышавъ эту непріятную вѣсть я такъ и пролился, но дѣлать было нечего: связалъ я казенные учебники въ платочекъ и понесъ въ уѣздное училище, чтобы ихъ сдать и объявить о своемъ преждевременномъ оставленіи училища.

Но, Господь милосердъ! Послѣдному не суждено было сбыться: нашелся хорошій человѣкъ, который принялъ во мнѣ горячее участіе, какъ нѣкогда въ Ломоносовѣ знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, и обезпечилъ меня безплатною кзартирою и содержаніемъ. Радости моей не было границъ.

Прошло три года, и я окончилъ курсъ уѣзднаго училища.

Выдержавъ испытаніе на званіе учителя, я подаль прошеніе на имя Его Преосвященства Пензенскаго Архипастыря объ утверженіи меня въ должности учителя при церковно-приходской школѣ села Абашева, куда и былъ опредѣленъ.

9 Декабря. Сегодня я проснулся очень рано. Собираюсь ѣхать въ Аба-

шево, но и тутъ вышло затрудненіе, немного опечалившее меня: бѣлья у меня почти нѣтъ совершенно, постели тоже, а придется стать на квартиру къ чужимъ людямъ. Но скоро печаль моя прошла, и я, декламируя стихи:

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь,
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь,—

вышелъ изъ избы и усѣлся въ сани.

Завернувшись въ рваный до смѣшного тулупъ, я велѣлъ трогать. Отецъ разъ двадцать дернулъ возжами, чтобы принудить свою клячку тронуться съ мѣста, и наконецъ-то добился этого, мы поѣхали. Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ и пронизывалъ меня до костей. Я кутался въ тулупъ, но онъ, къ сожалѣнію, до того былъ худъ, до того дырявъ, что либо рука оказывалась на свободѣ, либо нога, либо часть спины. Я дрожалъ словно въ лихорадкѣ.

Хотя и съ отмороженными на половину ушами, съ заоченѣвшими пальцами рукъ и ногъ, а все таки въ Абашево мы добрались еще до разсвѣту. Я направился прямо въ школу, надѣясь хоть немного отогрѣться, но негостепріимно встрѣтила она меня на первый разъ: едва я вошелъ въ классъ, какъ на меня пахнуло почти такимъ же холодомъ, какъ и наружи, только въ школѣ было тихо.

Дрожа и покрякивая, я принялся топтаться въ темномъ классѣ, чтобы согрѣть немного ноги; теръ себѣ уши носъ, щеки, руками ерошилъ волосы, чтобы согрѣть ооченѣвшіе пальцы, однимъ словомъ я употребилъ все усилія къ тому, чтобы согрѣться. Стало свѣтать. Въ школу начали появляться мальчики. Мнѣ было ихъ жаль до смерти: они дрожали отъ холода такъ же, какъ и я, дули на руки,

надѣясь согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ и вообще продѣлывали точно то же, что и я предъ ихъ приходомъ.

— „Кто васъ учитъ?“ спросилъ я дѣтей.

— „Псаломщикъ“, отвѣтили они. Не открывая имъ того, что я ихъ будущій учитель, я пошелъ сперва къ мѣстному батюшкѣ, чтобы представиться ему, какъ завѣдующему школою. Тамъ, за стаканомъ чаю, я отогрѣлся совершенно, а потомъ отправился въ школу знакомиться съ учениками.

11 Декабря. Начинаю по немногу заниматься. Съ учениками перезнакомился окончательно: они дичиться меня перестаютъ. Школа полна. Учащіеся все прибываютъ. Хотя и поздно, но что дѣлать, принимаю и вновь поступающихъ. Если же отсылать приходящихъ, то, пожалуй, огорчишь и дѣтей и родителей ихъ, а мнѣ бы этого, тѣмъ болѣе на первыхъ порахъ, не хотѣлось. Богъ съ ними! Пускай ходятъ.

12 Декабря. Съ перваго же дня пріѣзда на мѣсто своего служенія я сталъ на квартирку къ мѣстному псаломщику, который бѣденъ такъ же почти, какъ и я, но хорошій малый, простякъ, да ктому же холостой. Кое какъ мы поладились съ нимъ. Живемъ втроемъ, т. е., я, псаломщикъ и мѣстная старушка—Кузминична, которая исполняетъ у насъ обязанности и кухарки, и домосѣдки. Занимаемся въ школѣ оба, потому что и псаломщику о. наблюдатель разрѣшилъ мнѣ помогать.

1 Февраля. Опять я пріѣхалъ къ отцу въ свою родную лачугу, заметанную горами снѣга. Вьюга, кажется, всю свою злобу обрушила на нашу бѣдную хижину: всю завалило вплоть до верху, такъ что жилище наше съ улицы невозможно замѣтить: оно

представляет изъ себя невысокій снѣжный сугробъ съ продолговатымъ отверстіемъ сбоку, которое служить входною дверью. Въ эту оригинальную дверь приходится входить на четверенькахъ, до того она низка! Съ другого бока вышеупомянутаго сугроба чернѣютъ двѣ маленькія норки, на подобіе лисьихъ: это окна. Войдешь въ самую лачугу и съ перваго момента ровно ничего нельзя разобрать: темнота страшная! Потомъ глазъ постепенно привыкаетъ къ этой темнотѣ, и начинаешь различать убогую обстановку жилища. Эту обстановку и описывать не стоитъ: хламъ—на хламъ, и тряпье—на тряпье. Плохо жить въ этой хижинѣ. Я постоянно днемъ бываю въ волостномъ правленіи, гдѣ и чисто, и свѣтло, и тепло. Только ночь загоняетъ меня въ родную нору. Впрочемъ, и ночь провести въ жилищахъ подобныхъ нашему, для непривычнаго есть великій подвигъ. Насъ въ семьѣ 10 человекъ, и всѣ мы ночуемъ въ избушкѣ, 5 аршинъ длины, 6 аршинъ ширины, да еще съ нами „ночуютъ же“: два теленка, три поросенка, да четыре овцы съ ягнятами. Каковъ же долженъ быть воздухъ?! Понятно, что опрятность и чистоту соблюсти невозможно. Притомъ хатка наша построена по черному, и дымъ каждое утро душилъ всѣхъ насъ до невозможности. Только закаленная въ подобныхъ условіяхъ жизнь натура русскаго бѣдняка крестьянина можетъ выносить эти пытки, да и легкія то у него или каучуковыя или изъ другого подобнаго матеріала, недоступнаго къ безчисленнымъ міазмамъ, среди которыхъ онъ обитаетъ и которыми дышитъ. Впрочемъ, все это къ лучшему: есть гдѣ терпѣнію научиться.

16 Февраля. Вечеромъ сегодня я сидѣлъ и читалъ „Церковныя Вѣдо-

мости“. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Кузьминична и со страхомъ говоритъ. „Учительникъ, а учительникъ, посмотри-ка на небо-то, вѣдь мѣсяць-то скрадываютъ“. Это меня очень удивило и размѣшило съ перваго раза, но потомъ я сообразилъ, въ чемъ дѣло: сегодня лунное затменіе. Однако я любопытствовалъ узнать отъ старушки: кто именно учиняетъ такую штуку?— „Люди этакіе, слышь, есть, чернокнижники или „волхи“, вотъ они-то и закрываютъ его, милаго, на зло православному“, отвѣчала мнѣ Кузьминична. Непочатой край суевѣрія существуетъ еще въ нашемъ народѣ! Много—много придется поработать и священникамъ, и нашему брату—учителю, пока все это искоренится и отойдетъ въ область преданій.

9 Марта. Дни стали совершенно теплые, особенно если ведро. Снѣгъ быстро таетъ. Изъ школы во время смѣнъ дѣти выбѣгаютъ наружу, какъ пчелы изъ улья. Радостно на нихъ смотрѣть! Беззаботно и весело играютъ они подъ теплыми солнечными лучами. Смотря на нихъ и самъ вспоминаешь золотое дѣтство, когда ни бѣдность, ни огорченія въ жизни ни тревожили сердца. Заниматься теперь весело, на душѣ становится отраднѣе, потому что время близится къ лѣту, къ теплу, когда всѣ эти заботы объ одеждѣ, обуви, тепломъ жилищѣ отойдутъ на задній планъ. Поскорѣй-бы подходила матушка весна!

15 Марта. Сегодня отпустилъ я дѣтей на пасхальные каникулы.

17 Марта. Сегодня Вербное воскресенье. Люблю я этотъ торжественный праздникъ! Нынѣшній годъ показался онъ мнѣ особенно прелестнымъ, потому что день выдался хотя облачный, но теплый, тихій, настоящій весенній. Рано поутру раздался первый ударъ

церковнаго колокола, за нимъ другой, третій четвертый и т. д. Какъ-то особенно торжественно полился могучій благовѣстъ по окрестностямъ села, возвѣщая поселянамъ о наступленіи великаго праздника. Я наскоро одѣлся и поспѣшилъ въ церковь. Она была освѣщена уже множествомъ свѣчей и имѣла какой-то особенно радостный видъ. На клиросѣ собрались уже мои маленькіе пѣвцуны и просматривали стихиры на „Господи воззвахъ“. Вскорѣ началась и служба. Особенно стройно пропѣли мы стихиру „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“. Пѣвчихъ собралось порядочно, да ктому-же мы на дняхъ раза 4 спѣвались. Не дурно спѣли мы и канонъ. Народу было много.

31 Марта. Страстную и пасхальную недѣлю я провелъ въ Шутахъ, въ кругу родныхъ. Выйти, кромѣ церкви, рѣшительно никуда не пришлось, потому что Пасха по погодѣ была хуже, кажется масленицы, ибо крутила выюга. Лачуга наша, оттаявшая было съ половины марта, теперь снова занесена, такъ что приходится опять отрывать окна и дверь. Судя по количеству снѣга, который немилосердно обложилъ со всѣхъ сторонъ нашу хижину, можно полагать, что она не оттаеетъ до Петрова дня. Сегодня „красная горка“, а мы живемъ въ снѣговой горкѣ. Какихъ чудесъ не бываетъ на свѣтѣ!

4 Апрѣля. Наступило совершенное водополье. Сегодня я ходилъ смотрѣть воду подъ оврагъ, находящійся саженьхъ въ 10 отъ нашего храма (въ Абашевѣ). Оврагъ этотъ, будучи подмываемъ водою, все болѣе и болѣе обваливается, такъ что русло воды годъ—отъ году все ближе и ближе подходитъ къ храму, размывая и обваливая старинное кладбище. Изъ обрыва оврага тор-

чатъ цѣлыя груды еще несгнившихъ гробовыхъ досокъ и костей, которыя постепенно сваливаются вмѣстѣ съ глыбами земли въ русло рѣки и уносятся водою. При мнѣ скатился одинъ черепъ, оторвавшійся отъ кручи, буркнулъ прямо въ бурлящую воду и исчезъ въ ней. Смотря на все это я вынесъ непріятное впечатлѣніе. Жаль, право, очень жаль, что такое святое мѣсто, какъ погостъ, подвергается разрушенію воды, и долго покоившіяся кости праотцевъ размываются и уносятся ею. Почему-бы не обратить на это вниманіе абашевцамъ? Вѣдь всѣ видятъ это нежелательное явленіе, но относятся къ нему совершенно равнодушно: какъ будто-бы такъ и слѣдуетъ быть, а дѣло, между прочимъ, очень даже поправимое: противоположный погосту берегъ рѣки до того измененъ, что стоитъ только прокопать въ немъ новое русло для рѣченки, старое завалить, и вода отойдетъ отъ погоста въ сторону. И работы-то всему селу всего только на день, ибо новое русло потребуетъ прорыть всего на разстояніи какихъ нибудь 20—30 сажень, а потомъ пустить рѣку опять въ изгибъ стараго русла. При настоящемъ же положеніи вещей, вода лѣтъ черезъ 10—15 подведетъ мины и подъ самый храмъ, а это уже несмываемымъ пятномъ безчестія ляжетъ на абашевцевъ.

5 Апрѣля. Сегодня я во время перемѣны водилъ дѣтей на размывающійся водою погостъ. Ребятки мои были очень опечалены, когда я сказалъ, что не хорошо дѣлаютъ ихъ родители, не обращая вниманія на разрушеніе могилъ своихъ сродниковъ. Потомъ я просилъ учениковъ, чтобы они напомнили мои слова и своимъ отцамъ.

6 Апрѣля. Нынѣ я спрашивалъ дѣтей, кто именно напоминалъ своимъ

родителямъ о разрушеніи водою погоста. Всѣ подняли руки. Я спросилъ одного малыша:— „Что-же тебѣ отвѣтилъ отецъ?“ Ученикъ сообщилъ мнѣ: „Отецъ сказалъ мнѣ, что это не его одного дѣло, а цѣлаго общества“. Въ такомъ же родѣ сообщили отвѣты своихъ родителей и другіе ученики.

Нынѣ вечеромъ приходили къ намъ два мужичка. Я завелъ съ ними рѣчь о разрушаемомъ водою кладбищѣ. Какъ могъ старался я втолковать имъ, что кладбище мѣсто святое, что его нужно охранять, беречь отъ всего такого, что такъ или иначе вредитъ ему. Мужички поддакивали мнѣ, прибавляя свои: „вѣстимо, двистительно, нато какже“, почесывали затылки, посматривали въ раздумьи на свои лапти и— только. Изъ этого я заключилъ, что мужички пѣхо понимаютъ меня и не съ охотою слушаютъ: „пустъ, молъ, размываетъ, намъ что до этого? Убытка большого отъ этого нѣтъ“. Да, и дѣйствительно, нашъ братъ мужичекъ, благодаря своей духовной темнотѣ, исконному невѣжеству, укоренившемуся въ немъ съ давнихъ временъ, чуждъ пока и невнимателенъ ко всему тому, на что бы слѣдовало обратить ему вниманіе. Онъ и не виноватъ въ этомъ, ибо духовныя очи его слѣпы, а открытъ ихъ и заставитъ свѣтло смотрѣть на все окружающее, предстоить намъ, на которыхъ лежитъ эта священная обязанность и которые находятся съ нимъ въ тѣсной и неразрывной связи. Нуж-

но съ малолѣтства приучать будущія поколѣнія крестьянъ съ уваженіемъ относиться ко всему святому, освященному Церковію. На мягкомъ, какъ воскъ, сердцѣ дитяти легче отпечатаются и сохраняются до гроба всѣ хорошіе примѣры, слова, и наставленія, чѣмъ на мало воспримчивомъ и загрубѣвшемъ въ природномъ невѣжествѣ сердцѣ взрослого крестьянина.

20 Апрѣля. Показавшіяся на лугахъ проталинки, опушающіяся молоденькою травкою, такъ и манятъ дѣтей изъ душныхъ стѣнъ школы: малыши, какъ пчелы изъ улья, торопятся на лужайки, на которыхъ кое—гдѣ виднѣются уже овцы и телята. Изъ младшаго отдѣленія многіе начинаютъ отставать и ничѣмъ ихъ не удержишь.

27 Апрѣля. Сегодня во время занятія разразилась первая весенняя гроза. Пошелъ градъ, величиною съ голубинье яйцо. Вдругъ блеснула молнія, и грянулъ оглушительный ударъ грома. Стекла въ классѣ задребезжали. Мальчики испугались до крайности: у многихъ, болѣе нервныхъ заблестѣли на глазахъ слезинки. Я успокоилъ ихъ, какъ могъ, и рассказалъ имъ вкратцѣ о томъ, какія нужны предосторожности во время грозы, чтобы не быть убиту молніей.

30 Апрѣля. Сегодня былъ въ моей школѣ экзаменъ. Выпущено съ правомъ полученія свидѣтельствъ 6 человекъ. Слава Тебѣ, Господи! Годъ учебный конченъ.

(Продолженіе будетъ).

Учитель **Е. Кулиновъ.**

ПОСѢВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

VII.

Лѣто и уроки природы.—Отдыхъ учителя и значеніе лѣтнихъ курсовъ.—Взглядъ на курсы наблюдателей и курсистовъ.—Въ чемъ состоитъ главное условіе успѣшности курсовъ.

Лѣто!... Школа опустѣла... Занятія прекратились до осени... Но и въ просторѣ родныхъ полей, луговъ и долинъ, на свѣжемъ воздухѣ, обильно насыщенномъ благоуханіями лѣсовъ и пѣвцовъ,—дѣти, въ перемежку съ отдыхомъ, не перестаютъ развивать душу, внимая урокамъ великой учительницы—природы, выступающей въ теченіи лѣта во всемъ своемъ благолѣпіи, разнообразіи, содержательности и поучительной красотѣ. Свѣжее благоуханіе ранняго лѣтняго утра, богато убранные брилліантами росы, пестро расцвѣтшіе зеленые луга и поля, таинственная тишина лѣсовъ, не умолкающіе хоры пташекъ, кузнечиковъ, порхающіе мотыльки, гуляющія стада кормильцевъ деревни—овецъ, коровъ и т. п., зеркально-ровныя, свѣтлыя и спокойныя воды рѣчекъ, озеръ и прудовъ, съ ихъ разнообразными обитателями,—сколько все это даетъ для обогащенія души ребенка не только запасами вѣшнихъ наблюденій, но и для внутренняго развитія, облагороженія, оздоровленія и питанія души. Чтобы оцѣнить все значеніе этихъ воспитателей для богато-воспримчивой души ребенка, достаточно припомнить тѣ „сокровища духовныя“, которыя отъ міра природы собрали Святители Тихонъ Задонскій, Іеремія Нижегородскій и другіе отцы.

Итакъ, школа отдыхаетъ не бездѣльно. Ея отдыхъ, особенно при нѣкоторомъ руководствѣ и наставленіяхъ учителя, дастъ во многихъ отношеніяхъ ничуть не меньше, чѣмъ тѣже уроки.

Отдыхаетъ и главный труженикъ шко-

лы—учитель... Но его отдыхъ гораздо серьезнѣе и сложнѣе. Жизнь изо дня въ день съ толпой неугомонной и безпокойной дѣтвора, полная оторванность отъ товарищей своего поколѣнія и службы и вообще отъ людей свѣжихъ, съ которыми бы можно было дѣйствительно отдохнуть душой, подѣлиться наблюденіями, запросами, думами, накопившимися и волнующими эту душу,—все это естественно влечетъ учителя къ „себѣ подобнымъ“, въ то „благородное собраніе“, „союз“ учителей, миссію котораго каждый несетъ въ той или другой школѣ. Нельзя не оправдать, не признать глубокаго основанія и пользы въ мысли—содѣйствовать означеннымъ совокупнымъ собраніямъ учителей, устраивая для нихъ такъ называемые лѣтніе курсы. Здѣсь можно говорить лишь о возможно большемъ облегченіи для учителя этихъ собраній, и въ матеріальномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ чтобы отдыхъ учителя былъ дѣйствительно отдыхомъ, а не новой египетской работой, которая подъ часъ угрожаетъ участникамъ курсовъ.

Въ настоящее время курсы повсемѣстно вошли въ обычай, и поговорить о нихъ теперь всего болѣе умѣстно. Въ отчетахъ наблюдателей курсы представляются обыкновенно одною изъ мѣръ, направленныхъ къ повышенію педагогической подготовки учащихся. Отсюда, главная задача курсовъ—практическое ознакомленіе съ приѣмами преподаванія и вообще веденіемъ школьнаго дѣла. Предметомъ курсовъ бываетъ все, что преподается въ школѣ, иногда и одинъ какой-либо предметъ, напр., чаще

всего — церковное пѣніе; весьма важнымъ добавленіемъ къ сему нельзя не признать чтенія по гигиенѣ (общей и школьной), выслушиваемыя всегда съ особеннымъ интересомъ и полезныя особенно для сельскаго учителя, являющагося обыкновенно единственнымъ человѣкомъ въ деревнѣ, который можетъ дать совѣтъ при различныхъ заболѣваніяхъ и который долженъ заботиться о предупрежденіи заболѣваній школьникова.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ (напр. въ Рязанской) на курсахъ большой успѣхъ имѣли бесѣды по естествознанію, пчеловодству и садоводству (Воронежской). Здѣсь, такимъ образомъ, значеніе курсовъ уже выводится изъ тѣсныхъ рамокъ „мѣры къ повышенію чисто педагогической подготовки“ учащихся и курсы трактуются какъ наиболѣе доступное для учителей и воспитателей народа средство и толчекъ къ самообразованію. Въ этомъ широкомъ смыслѣ курсы имѣютъ безусловно важное значеніе, и даже несовершенно удовлетворяющая этимъ надеждамъ практика, давшая поводъ Тобольскому Наблюдателю высказать отрицательный взглядъ на курсы, ¹⁾ не должна ли-

шать курсы своего теоретически вполне законнаго права на развитіе и процвѣтаніе. Изъ отзывовъ о курсахъ въ отчетахъ другихъ наблюдателей это становится еще яснѣе. Такъ, по признанію самихъ курсистовъ (Полтавскихъ), въ адресѣ Преосвященному Полтавскому, курсовыя занятія были для нихъ „кускомъ насущнаго хлѣба и каплею живой воды, въ которыхъ они такъ нуждались“ (Полт. Епар. Вѣд. 1898 г. № 31). ¹⁾ По свидѣтельству Рязанскаго

курсы при одной изъ второклассныхъ школъ“. Очевидно, не отрицая значенія курсовъ, можно говорить только о неудовлетворительной постановкѣ ихъ, объ устраненіи условий, уменьшающихъ, по словамъ г. Тобольскаго Набл. полезное вліяніе курсовъ.

¹⁾ Эти курсы были въ с. Пескахъ, съ 25 Авг. по 27 Сент.,—для учителей и учительницъ 3 уѣздовъ, (53 учителя и 3 учительницы) причемъ преобладающую часть курсистовъ составляли члены клира. Курсами руководилъ уѣздный Наблюдатель Протоіерей Г. Галковский, извѣстный своею опытностію въ курсовомъ дѣлѣ и неоднократно съ успѣхомъ ведшій его. Много жизни придало этимъ курсамъ непосредственное вниманіе къ нимъ самого Преосвящ. Архипастыря, глубоко назидательныя наставленія котораго, по сознанію самихъ учителей и учительницъ, „влили въ нихъ новый приливъ бодрости, энергіи и силы, приливъ крѣпкой вѣры въ великое значеніе церковно-школьнаго дѣла“. Развѣ этого мало, чтобы одно даже это составляло несомнѣнный и громадный плюсъ въ пользу курсовъ. Влить „бодрости, энергіи, силы, крѣпкой вѣры въ святость церковно-школьнаго дѣла“ въ душу учителя, девять мѣсяцевъ не слыхавшаго утѣшительнаго ободрительнаго живаго слова,—да вѣдь это—дѣйствительно, насущный хлѣбъ и капля животворной воды для нашихъ тружениковъ. Нельзя не поставить на видъ и въ образецъ отношеній Архипастыря къ курсамъ, поступокъ Полтавскаго Владыки, который,—вопреки своему намѣренію, не имѣя возможности посѣтить Переяславскіе курсы, по болѣзни,—прислалъ въ Переяславль *два нарочитыхъ посланія*—одно на имя курсистовъ и другое на имя руководителей. Посланія эти, кромѣ своей общей высокой поучительности, исполнены глубокой архипастырской любви къ церковно-просвѣтительному дѣлу и

¹⁾ Вотъ что онъ пишетъ: „*курсы не могутъ считаться вѣрнымъ средствомъ къ поднятію уровня педагогической и общеобразовательной подготовки учащихся*“. Единственное средство къ тому—поставить дѣло такъ, чтобы лица, не получившія достаточной общеобразовательной и специальной подготовки, не могли получить должности учащаго въ школѣ“. Нельзя не замѣтить на это, что во 1-хъ, желаніе имѣть вездѣ только „получившихъ достаточную общеобразовательную и специальную подготовку учителей“ слишкомъ еще несбыточно; во 2-хъ, извѣстно, что иногда самая достаточная общеобразовательная подготовка, заштемпелеванная самымъ безукоризненнымъ дипломомъ, не научаетъ быть учителемъ на практикѣ; въ 3-хъ, самъ авторъ высказаннаго взгляда на курсы проговаривается далѣе въ пользу ихъ, заявляя, что для подготовки учителей нужно открыть учительскую школу или хотя бы постоянные

Отчета, многіе изъ курсистовъ заявляли, что до слушанія курсовъ они не имѣли никакого представленія о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ пріемовъ начальнаго обученія, которые они наблюдали въ практической школѣ при курсахъ (1899 г. 31 стр.).

Вліяніе курсовъ на улучшение школьнаго дѣла у бывшихъ слушателей ихъ отмѣчается всѣми о.о. уѣздными наблюдателями Рязанской епархіи; курсы подняли энергію въ учителяхъ; благодаря имъ, многіе учителя школъ прамоты почувствовали подъ собой болѣе твердую почву, что создало въ нихъ рѣшимость сдать экзаменъ на званіе учителя. По свидѣтельству того же (Рязанскаго) отчета за 1898 г. малоопытные учителя, въ системѣ познакомившись съ веденіемъ школьнаго дѣла, возвращаются въ школы какъ бы перерожденными; приходилось наблюдать одного и того же учителя въ его занятіяхъ въ школѣ до курсовъ и послѣ; и перемѣна къ лучшему въ постановкѣ школьнаго дѣла настолько была замѣтна, что къ слѣдующему же году учитель отмѣчается въ числѣ особенно успѣшныхъ. Учащіе, прослушавшіе курсы пѣнія, обучаютъ съ большимъ умѣньемъ этому предмету и школьники, а многіе изъ нихъ организовали и церковные хоры (53 стр.).

О пользѣ и важномъ значеніи курсовъ, читаемъ въ томъ же отчетѣ, не можетъ быть и рѣчи: на курсахъ учителя пополнили пробѣлы, бывшіе у нихъ въ преподаваніи, и запаслись необходимыми знаніями для болѣе правильнаго обученія дѣтей. Это видно и изъ сознанія самихъ учителей, его достойнымъ труженикамъ, и въ душахъ дѣятелей курсовъ оставили самый сильный слѣдъ,—ихъ благотворное вліяніе на всю послѣдующую дѣятельность участниковъ курсовъ—учителей, учительницъ и ихъ руководителей—несомнѣнно (текстъ посланій см. въ Полт. Ед. Вѣд. 1899 г. № 36). Можно замѣтить здѣсь, что при подобномъ внимательномъ отношеніи Архипастырей къ курсамъ не могли бы имѣть мѣста жалобы на безуспѣшность курсовъ и сомнѣнія въ ихъ цѣлесообразности.

охотно явившихся на курсы даже изъ отдаленныхъ школъ и съ необыкновеннымъ усердіемъ и рвеніемъ занимавшихся на курсахъ по 9 часовъ ежедневно, и изъ той искренней благодарности, которую учителя выражали по окончаніи своихъ курсовъ. Помимо большого значенія курсовъ для болѣе успѣшнаго веденія школьныхъ занятій, курсы—читаемъ еще въ Рязанскомъ отчетѣ за 1900 г.—„пробуждаютъ въ слушателяхъ ихъ сознаніе необходимости самообразования для спеціальнаго учительскаго дѣла, возбуждаютъ охоту къ этому самообразованію, указывая для того и необходимые средства, а это служитъ залогомъ ихъ непрестаннаго усовершенствованія въ преподаваніи“.

Изъ отзывовъ другихъ епархіальныхъ наблюдателей, вообще согласныхъ въ свидѣтельствovanіи громадной пользы курсовъ, видно тоже самое.

„Кромѣ того,—что особенно для насъ важно—курсы укрѣпили учителей нравственно: у нихъ теперь замѣтно болѣе твердости и увѣренности въ дѣлѣ, болѣе бодрости духа и вѣры въ свое дѣло, болѣе нравственной силы, соединенной съ умѣньемъ въ дѣлѣ. Какъ сами учителя относятся къ нелегкому для нихъ труду курсовому, можетъ свидѣтельствовать общее заявленное ими желаніе быть вновь вызванными на курсы, когда таковыя опять состоятся“ (Полт. отчетъ 1898—99 г.).

„Только благодаря курсамъ, пишетъ Екатеринославскій Епарх. Набл. (отч. 1897/8 г.) можно постепенно учителей и учительницъ обогатить регентскими познаніями“. Тотъ же Епарх. Наблюд. (отъ 1898/9 г.) приводитъ любопытное сообщеніе, какъ отзываются сами курсисты о пользѣ и значеніи для нихъ курсовъ. „Наканунѣ отпуска курсистовъ, по окончаніи классныхъ занятій, руководитель курсовъ предложилъ учителямъ дать письменный отвѣтъ на вопросъ: „какую пользу принесли мнѣ курсы“, съ цѣлью удостовѣриться, какъ отразились на учите-

поработавшіе самостоятельно въ школахъ,— не юноши со школьной скамьи,— буквально плакали, обнимая своего любимого инспектора“... Самъ онъ цѣлый день провелъ въ сладкихъ слезахъ. Ему поднесли икону Спасителя и его же портретъ, который былъ написанъ однимъ изъ курсистовъ же... Подобнымъ образомъ были поставлены курсы въ Полтавѣ. Посѣщая курсы по два раза въ день, Владыка не только входилъ самъ въ подробности учебнаго дѣла, принимая живое участіе въ разборѣ данныхъ курсистами уроковъ, но и самъ лично далъ образцовый урокъ по Закону Божію¹⁾, въ которомъ на живомъ примѣрѣ показано какъ то, что составляетъ долгъ добраго законоучителя, облеченнаго священнымъ саномъ, такъ и то, что умѣстно въ устахъ преподавателя Закона Божія безъ сана и богословскаго образованія. Въ семь чрезвычайномъ урокъъ всѣми слушателями чувствовалась великая увлекающая сила законоучителя обладающаго широко и глубоко захватывающимъ опытомъ, и Богословскаго истинно-церковнымъ помазаніемъ. „Глубоко запечатались въ нашихъ сердцахъ дни Вашего пребыванія среди насъ,— писали въ послѣдствіи Преосвященному Владыкѣ,— курсисты. На скромномъ нашемъ учительскомъ поприщѣ дни эти всегда будутъ служить лучшимъ поощреніемъ къ усерднѣйшему и усѣбнѣйшему выполненію возложенной на насъ обязанности, а въ минуты досуга будутъ проходить свѣтлымъ воспоминаніемъ всего пережитаго и перечувствованнаго нами за это время... Ваше живое слово назиданія, утѣшенія, исполненное отеческой любви и участія къ скромнымъ труженикамъ церковныхъ школъ, вызываетъ въ средѣ слушателей курсовъ чувство священнаго долга приложить всѣ свои силы, труды и знанія для блага меньшей темной братіи,— во

¹⁾ Кромѣ Закона Божія, Преосвященный Владыка преподавалъ образцы церковнаго чтенія.

славу Божію, на пользу Церкви и отечеству“ (Полт. Вѣд. 1900 г. № 24).

Въ заключеніе, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести, хотя отрывочно, важнѣйшія мысли въ высшей степени замѣчательной рѣчи къ курсистамъ председателя Рязанскаго Епарх. Учил. Совѣта, протоіерея І. К. Смирнова, въ которой значеніе курсовъ представляется особенно глубоко, оригинально и поучительно.

...„Миссія учителя церковной школы— миссія апостольская, дающая ему нравственную силу безропотно переносить всѣ матеріальныя тяготы его святой службы. Въ день Пятидесятницы Свв. Апостолы и многія жены съ ними собрались въ горницу и ждали тамъ предреченнаго пророками сошествія на нихъ Св. Духа съ тѣмъ, чтобы, воспринявши благодатную силу Духа Святаго, идти на проповѣдь Хріста во всѣ концы земли. Разумѣется, мы не осмѣлимся провести строгую аналогію между собраніемъ Апостоловъ и нашимъ настоящимъ собраніемъ въ день закрытія курсовъ, тѣмъ не менѣе между тѣмъ и другимъ собраніемъ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія. Вы, курсисты и курсистки, съ настоящаго торжественнаго собранія, разойдетесь во всѣ уголки епархіи на церковно-школьные, апостольскіе труды, подготовленные къ нимъ изученіемъ предстоящаго вамъ дѣла на только что закончившихся курсахъ, разойдетесь, укрѣпленные общею молитвою и съ утѣшеніемъ св. вѣры. Подобно Апостоламъ, вы подготовились на предстоящій вамъ подвигъ приведенія чрезъ школу дѣтей ко Хрісту.

„Связанные прутья трудно переломить, но каждый въ отдѣльности прутья легко ломается. И св. дѣло церковно-школьнаго просвѣщенія народа скорѣе принесетъ желанный плодъ, если вы, отдавшіе себя на это дѣло, будете работать не въ розницу, а сплоченно и въ полномъ единодушіи, въ общемъ живомъ сознаніи святости принятой на себя миссіи!“...

Страничка для дѣтей.

Юношескіе годы великаго подвижника.

(Изъ жизни Θεодосія Печерскаго).

а гористомъ берегу широкой и многоводной рѣки Днѣпра красиво раскинутъ старинный городъ Кіевъ. Привѣтливо сияетъ онъ своими золотыми крестами и главами каждому благочестивому страннику, который идетъ на поклоненіе святынямъ Кіева. А здѣсь не мало ихъ. Сколько храмовъ здѣсь, сколько монастырей! И не за одни только храмы дорогъ этотъ городъ сердцу cadaго русскаго человѣка. Нѣтъ. Отсюда начала распространяться среди нашихъ предковъ, кланявшихся прежде языческимъ богамъ, хрістіанская, вѣра. Здѣсь при князѣ Владимірѣ, Русскіе приняли святое крещеніе. Сюда—въ монастыри сходились благочестивые иноки и здѣсь предавались подвигамъ, которыми они прославили особенно одну обитель, извѣстную подъ названіемъ Кіевопечерской лавры. Вотъ почему наши благочестивые странники и странницы любятъ ходить на богомолье въ Кіевъ. Вотъ почему они набожно преклоняютъ здѣсь предъ старинными святынями свои колѣни. Вотъ почему ихъ простыя сердца пламенѣютъ здѣсь святою вѣрою...

Много было въ Кіевопечерской обители благочестивыхъ иноковъ. Но среди ихъ особенно извѣстенъ

своею святою и богоугодною жизнью преподобный Θεодосій Печерскій. О немъ-то, о его дѣтскихъ годахъ, мы и хотимъ рассказать. Преподобный Θεодосій родился недалеко отъ Кіева, въ небольшомъ городкѣ Василевѣ. Отсюда еще ребенкомъ вмѣстѣ съ своими родителями переселился онъ въ другой городъ Курскъ. Родители Θεодосія были люди богатые и хотѣли его воспитать такъ, чтобы онъ былъ потомъ знатнымъ человѣкомъ. Но вовсе не то лежало на сердцѣ добраго мальчика, который въ пору ранняго дѣтства уже всѣмъ сердцемъ полюбилъ Господа. Ему онъ всегда усердно молился, у Него просилъ себѣ помощи во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ, и Ему посвятилъ онъ всѣ свои помыслы и дѣла. Ни дѣтскія игры, ни праздные разговоры, ни наряды—ничто не забавляло его. Ходить въ церковь, читать божественныя книги—вотъ что было для него источникомъ радости.

И дѣйствительно, юнаго Θεодосія каждый день видѣли въ храмѣ Божіемъ, гдѣ, въ свободное отъ занятій время, онъ со вниманіемъ слушалъ слово Божіе. Чтобы яснѣе уразумѣвать священныя книги, мальчикъ съ особою любовію сталъ изучать славянскую грамоту. Поэтому, когда отецъ

задумалъ учить грамотѣ своего сына, то онъ упросилъ отдать его въ обученіе такому учителю, который могъ бы обучить его чтенію „Святыхъ книгъ“. И съ какою любовію онъ изучалъ славянскую грамоту! Службѣ Божіей да грамотѣ онъ и отдавалъ только свое время. При такомъ усердіи, благодатный отрокъ быстро уразумѣвалъ книжную мудрость. Но при этомъ, не смотря на свои успѣхи, добрый мальчикъ никогда не гордился предъ своими товарищами. Нѣжень, кротокъ и ласковъ былъ онъ со всѣми окружающими его. Такъ, любящій Бога всегда горячо и искренно любить и ближнихъ своихъ!

И чѣмъ далѣе росъ Θεодосій, тѣмъ большіе и большіе подвиги сталъ онъ брать на себя ради Господа. На 14-мъ году у добраго мальчика умеръ отецъ. Теперь, послѣ смерти своего отца, онъ весь отдался на служеніе Богу. Получивъ отъ отца большое наслѣдство, отрокъ носилъ, однако, самую простую одежду. Лишнее все онъ раздавалъ бѣднымъ. И не однимъ только подаваніемъ помогалъ онъ. Имѣя много слугъ, онъ никогда не обременялъ ихъ, но ходилъ съ ними иногда даже самъ на черныя работы. Любилъ также Θεодосій помогать и бѣднымъ крестьянамъ, съ которыми онъ часто работалъ. Вотъ истинно смиренный мальчикъ, который не боится и не стыдится труда, если онъ облегчаетъ чью либо тяжкую долю! И это смиреніе юнаго Тео-

досія было тѣмъ выше, что мать его не позволяла ему носить плохую одежду и помогать въ работѣ слугамъ. Ей казалось унижительнымъ, что сынъ ея носить бѣдную одежду, что онъ предастся черной работѣ; и она старалась то злосаскою, то угрозою отвлечь его отъ такого образа жизни и внушить ему любовь къ земнымъ благамъ. Но для Θεодосія выше всего была молитва и смиренная трудолюбивая жизнь.

И чтобы проводить такую жизнь, многое пришлось ему вытерпѣть отъ гнѣва матери. Однажды богоговѣйный юноша, наслышавшись отъ странниковъ о мѣстахъ, гдѣ жилъ Господь нашъ, задумалъ было тайно уйти туда. Но мать догнала его и, жестоко наказавъ, привела домой. Поживъ немного дома, Θεодосій однажды узналъ, что въ приходской церкви рѣдко бываетъ Богослуженіе по недостатку просфоръ. Снова юноша принимается за доброе дѣло: онъ печетъ просфоры, а прибывъ отъ продажи ихъ раздаетъ нищимъ. Шалуны—товарищи смѣялись надъ нимъ. Упрекала его и мать въ этомъ. „Ты наносишь“, говорила она, „безчестіе роду своему; не могу слышать, какъ смѣются надъ тобой за это занятіе“. Но юный подвижникъ терпѣливо сносилъ все это. А когда случалось, что мать съ угрозами укоряла его, онъ съ кротостію отвѣчалъ ей: „любезная мать! Иисусъ Христосъ далъ намъ примѣръ смиренія. И какое униженіе мнѣ въ томъ, что

я занимаюсь приготовленіемъ того хлѣба, который долженъ претвориться въ пречистое Тѣло Христова?“

Мать, услышавъ такія слова, на время успокоивалась, но потомъ снова начинала сердиться, бранить и часто бить сына своего. Тяжело было Ѳеодосію. И вотъ, чтобы избавить себя и мать отъ огорченій, онъ тайно ушелъ къ одному священнику, и здѣсь продолжалъ печь просфоры. Мать нашла его и здѣсь, привела домой и запретила ему это занятіе. Черезъ нѣкоторое время о юномъ подвижникѣ услыхалъ начальникъ города Курска. Желая избавить его отъ жестокаго обращенія матери, онъ взялъ благочестиваго отрока къ себѣ. И здѣсь Ѳеодосій раздавалъ нищимъ все, что получалъ, хранилъ строгій постъ и носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги. Однако и въ это время мать не оставляла въ покоѣ своего сына.

Однажды начальникъ города давалъ пирь. Ѳеодосію нужно было явиться въ чистой одеждѣ для служенія гостямъ. Поэтому онъ отправился къ матери, чтобы здѣсь перемѣнить одежду. Случайно безпокойная женщина увидала кровь на рубашкѣ. Она догадалась, что сынъ носитъ вериги. Съ яростію она сорвала ихъ съ сына и жестоко избивала его. Но напрасно мать старалась погасить въ сынѣ любовь къ святой, подвижнической жизни. Разъ слышалъ онъ слова Евангелія: *„иже любитъ отца или мать паче Мене,*

нѣсть Мене достоинъ, и иже любитъ сына или дочь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѣ, 10, 37).

Эти слова заставили юнаго подвижника сильно задуматься: онъ понялъ, что заботы его матери о немъ не служатъ ни ему, ни ей на пользу, и рѣшился, поэтому, непременно удалиться изъ дому, чтобы вполне посвятить себя Богу. Тогда около Кіева было уже нѣсколько монастырей. Туда и пошелъ онъ тайно. Не зная самъ дороги въ Кіевъ, онъ догналъ обозъ, тянувшійся въ Кіевъ, и занимъ въ три недѣли дошелъ до Кіева. Здѣсь обошелъ онъ всѣ монастыри и просилъ иноковъ, чтобы приняли его: но они, видя простаго отрока, одѣтаго въ худыя одежды, не хотѣли принять его. Здѣсь, переходя изъ монастыря въ монастырь, онъ услышалъ объ одномъ старцѣ Антоніѣ, который жилъ въ пещерѣ. Къ нему и направился Ѳеодосій. Со слезами припалъ онъ къ ногамъ старца и просилъ его принять къ себѣ. „Чадю, сказалъ ему Антоній, видишь-ли, какъ эти пещеры мрачны! А ты молодъ—не можешь перенести скорбей на этомъ мѣстѣ“. „—„Богъ привелъ меня къ тебѣ, смиренно отвѣтилъ юный подвижникъ, чтобы мнѣ спастись;—я буду дѣлать все, что ты велишь“. Тогда преподобный Антоній принялъ новаго подвижника, который и сдѣлался инокомъ. Это было въ 1032 г. Новый иннокъ въ тиши и уединеніи предался тѣмъ подвигамъ

благочестія, которыхъ всегда жаждала душа его. Онъ постился, молился и выполнялъ разныя монастырскія работы. Такъ исполнилось завѣтное желаніе Θεодосія, который съ дѣтства полюбилъ Господа.

Впослѣдствіи слава о преподобномъ Θεодосіи распространилась повсюду. О немъ услышала однажды и мать его, и поспѣшила къ нему въ монастырь. Но на этотъ разъ она уже не преслѣдовала болѣе своего сына, и даже сама постриглась въ монастырь, чѣмъ особенно утѣшила Θεодосія. Такъ благодатный отрокъ вразумилъ своимъ примѣромъ и свою мать. Посѣщали Θεодосія и разныя знатныя лица и князья и всѣ ухो-

дили отъ него обласканные и утѣшенные. Всѣмъ помогаль онъ—кому словомъ, кому подааньемъ, а кому своими чудесами, которыя совершалъ онъ своею молитвою.

Послѣ долгихъ подвиговъ въ 1074 году умеръ преподобный инокъ, оплаканный знавшими его. Господу было угодно открыть ему предъ смертью время его кончины. Послѣ же его кончины, онъ сдѣлался помощникомъ въ скорбяхъ тѣмъ, кто призываетъ его и молится ему.

Такъ возвеличиваетъ Господь всѣхъ тѣхъ, кто съ юныхъ лѣтъ посвящаетъ себя на служеніе Ему и ради Него любитъ своихъ ближнихъ.

В—ію.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Іюнь 1902.

Незамѣнимая утрата, понесенная и нашею русскою народною школою, и православными русскими людьми въ лицѣ незабвеннаго, смиреннаго труженика Татевской школы, С. А. Рачинскаго, чувствуется не одними только нами, православными, но и людьми инославными, именно тѣми изъ нихъ, кто внимательно и добросовѣстно присматривался къ его дѣятельности, кто имѣлъ счастье вести съ нимъ переписку. Вотъ что пишетъ намъ одинъ протестантъ, оцѣнивая нашу потерю съ *своей* точки зрѣнія:

„Померъ великій педагогъ, С. А. Рачинскій. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что это былъ не изъ простыхъ смертныхъ, а пророкъ, посланный Богомъ на Русь“.

Таково было нравственное впечатлѣніе на инославнаго человѣка отъ этой дѣтски-чистой, высоко-нравственной и смиренной, въ великихъ дарахъ Божіихъ, личности. „Пророкъ“—это слово мы, православные, не употребили бы; по нашему понятію это слово означаетъ чрезвычайнаго, богодухно-

веннаго посланника Божія, возвѣщающаго откровенія Божія; но въ устахъ протестанта, понимающаго подъ этимъ словомъ просто беззавѣтно преданнаго Божію дѣлу человѣка, своимъ смиреніемъ и любовью воспріявшаго въ свое доброе сердце Божію благодать, человѣка, выносившаго въ своей душѣ и воплотившаго въ своей дѣятельности святой идеаль, и потому имѣющаго нравственное право говорить со властію свое слово, соію любви растворенное,—въ такомъ смыслѣ святое слово „пророкъ“ въ отношеніи къ С. А. Рачинскому, говоримъ, въ устахъ протестанта весьма знаменательно.

„Господь оказываетъ особенную милость Россіи, что посылаетъ ей пророковъ, продолжаетъ инославный авторъ. „Письма“ С. А.—ча къ духовному юношеству о трезвости написаны имъ не чернилами, а кровью сердца, скорбящаго и болящаго о настоящихъ новаго Израиля, мучимыхъ алкогольнымъ бѣсомъ. Найдется ли человѣкъ,

который могъ бы прочитати эти письма безъ сочувствія, безъ соболъзнованія, состраданія, безъ рѣшимости помочь хоть капельку для устраненія вопіющаго нечестія? Думаю—нѣтъ. Изъ его писемъ звучитъ голосъ Іереміи: о кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источники слезъ! Я плакалъ бы о пораженныхъ дщереяхъ народа моего... Глубокое смиреніе Рачинскаго свидѣтельствуетъ, что онъ пророкъ (по нашему—беззавѣтный ревнитель Божія дѣла). Да и самъ онъ, своею личностью, былъ живое свидѣтельство того, что и въ наши дни сила Божія совершается въ немощи. Господь избралъ въ пророки сельскаго учителя, а не мудрое и знатное міра: слава силѣ Твоей, Господи!

„Въ своей книгѣ „Сельская Школа“ усойшій писалъ:... „И если въ настоящее время, въ минуту пробужденія въ нашемъ народѣ сознательнаго хрістіанства, соперникомъ Церкви является кабакъ; если пьяный разгулъ слишкомъ часто заглушаетъ въ немъ всякое движеніе духа; если въ этой борьбѣ не произойдетъ скорый, рѣшительный поворотъ, то—вѣчный позоръ вѣмъ намъ, людямъ досуга и достатка, мысли и знанія, печатнаго слова и правительственной власти! Позоръ и проклятіе нашему мертвому образованію, нашей праздной болтовнѣ, нашей духовной пустотѣ и безсилію!“

„Каково? Только пророкъ въ правѣ такъ говорить!“

Да, подтвердимъ и мы: только истинный

ревнитель благочестія, только тотъ, кто въ сердцѣ носитъ благодатный огонекъ духовной жизни и нелицемѣрной любви къ родной землѣ, кто болитъ душою о малыхъ сихъ, для кого—нуль всё блага міра сего, можетъ такъ говорить....

Въ заключеніе своего письма авторъ говоритъ: „годъ тому назадъ писалъ онъ мнѣ, что его пѣсенка спѣта. Нѣтъ, его пѣсня не спѣта. У него своей пѣсни и не было. Это пѣснь общая, которую послѣ его смерти будутъ продолжать и продолжаютъ уже тысячи добрыхъ батюшекъ. Онъ жилъ, трудился, не для себя—онъ жилъ, но жилъ не онъ самъ, а жилъ въ немъ Христосъ. И продолжится запѣтая имъ пѣснь до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться борьба между добромъ и зломъ. Запѣтая 3000 лѣтъ назадъ пѣсни пророковъ Или, Исаи, Іереміи—развѣ онъ уже спѣтъ?“....

Можетъ быть иному покажется этотъ отзывъ протестанта о нашемъ скромномъ труженикѣ Татевскомъ преувеличеннымъ; но сердце проситъ присоединиться къ такому отзыву, совѣсть говоритъ, что мы должны „продолжать запѣтую имъ пѣснь“, поддерживать тотъ огонекъ, который такъ тепло, такъ свѣтло горѣлъ въ его чистой душѣ. И не одни „батюшки“ должны дружнымъ хоромъ пѣть эту святую пѣснь, но и всѣ тѣ, кому онъ, почившій, далъ всю свою жизнью добрый примѣръ—всѣ труженики великой Божьей нивы, именуемой церковною и вообще русскою народною школою!... Помогите Господи!

СОДЕРЖАНІЕ: Взглядъ на воспитаніе на зарѣ хрістіанства. *Димитрія Введенскаго*.—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина *Учителя Е. Куликова*.—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Страничка для дѣтей. Юношескіе годы великаго подвижника. (Изъ жизни *Теодосія Печерекаго*). В—го.—Нашъ дневникъ.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; въходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатаѣ дозволяется. Виенанія. Іюня 24 дня, 1902 года. Цензоръ, Ректоръ Виенанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. *Бѣляевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“